

СОСТОЯНИЕ СБЕРЕГАТЕЛЬНОГО ДЕЛА В ЛИТВЕ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА И ПОСЛЕДУЮЩЕЕ ЕГО РАЗВИТИЕ

И. ЧЯПЕНЕ

В 1932—1936 гг. сберегательное дело в буржуазной Литве оказалось под воздействием экономического кризиса и таких внешнеэкономических факторов, как банкротства банков в соседних странах и валютные потрясения. Как известно, мировой экономический кризис 1929—1933 гг. в Литве стал проявляться лишь во второй половине 1931 г. По мнению советских литовских экономистов (20), экономический кризис в буржуазной Литве начался значительно позже, чем в других капиталистических странах, по нескольким причинам, основными из которых явились: слабые внешнеэкономические связи, слабое развитие промышленности и ведущее место в экономике сельского хозяйства. Кроме того, его начало отодвинуло и то обстоятельство, что к началу мирового экономического кризиса буржуазной Литвой были получены довольно значительные денежные ссуды из-за границы.

Наступлению экономического кризиса в Литве предшествовала паника среди вкладчиков и значительное изъятие вкладов из банков и других кредитных учреждений во второй половине 1931 г. Панику среди вкладчиков республики вызвало банкротство 13 июля 1931 г. крупного немецкого банка «Danatbank» (на его долю приходилась 1/4 часть ссуд, предоставленных всеми банками Германии) и введенный сразу за этим в Германии мораторий на выплату вкладов.

Поскольку банки Клайпедского края и некоторые каунасские коммерческие банки (в первую очередь Коммерческий банк) были связаны с обанкротившимся Данатбанком (в нем находились акции Коммерческого банка на сумму 0,6 млн литов и между ними поддерживались тесные кредитные связи) (8), постольку были обоснованными опасения, что обанкротившийся немецкий банк вызовет крах банков Литвы. Коммерческий банк после банкротства Данатбанка лишь за июль 1931 г. вынужден был выплатить вкладов на сумму 8,1 млн литов, что составило 37% от общей суммы (19, с. 6). Под воздействием такого массового изъятия вкладов он прекратил свои активные операции и обратился за помощью к Банку Литвы. Лишь солидные денежные инъекции последнего спасли его от банкротства, хотя он и стал зависимым от Центрального банка республики.

За то же время вклады в других частных каунасских банках сократились на 10 млн литов (19, с. 6). Таким образом, общее сокращение вкладов в каунасских коммерческих банках составило 18,1 млн литов и явилось довольно значительным, если учесть, что паника продолжалась недолго — с 13 июля до начала августа.

Так как банки Клайпедского края были тесно связаны с банками Германии, первые испытывали значительные трудности в связи с массовым истребованием вкладов. Несмотря на оказанную им кредитную помощь каунасскими банками, довольно крупный банк — Банковский дом Евшица и Зоммера — обанкротился.

Однако следует признать, что банки буржуазной Литвы оказались стойкими, хотя истребования вкладов были крупными (37% общей их суммы). Причины этого кроются в следующем: 1) из-за большого спроса на кредит банки выбирали наиболее надежных клиентов; 2) ссуды в основном предоставлялись на краткое время (до трех месяцев), а также суммы их для оборота были незначительными; 3) банки не занимались спекуляцией ценными бумагами; 4) операции осуществлялись лишь внутри страны; 5) высокий ссудный процент позволял банкам держать в своих кассах и на текущем счете в центральном банке больше денег, чем полагалось законом (15%), т. е. поддерживалась высокая ликвидность.

Банкротства банков и испытываемые ими трудности оказали иное воздействие на движение вкладов в сберегательных кассах и поведение вкладчиков. Вклады в сберкассах не только не сократились, но, наоборот, начали возрастать более быстрыми темпами, чем в предкризисные месяцы. Так, если в первой половине 1931 г. среднемесячное увеличение вкладов составило 0,6 млн литов, то в июле—августе 1931 г. оно достигло в среднем 2,3 млн литов (исчислено по: 13, с. 12). Обращает на себя внимание тот факт, что часть изъятых вкладов из банков перемещалась в сберегательные кассы. Следовательно, при сокращении общей суммы вкладов во всех кредитных учреждениях в сберегательных кассах она увеличивалась и тем самым происходило ее перераспределение в пользу последних. Причину этого явления мы видим в кризисе доверия к частным банкам и в том, что выплату вкладов сберегательных касс гарантировало государство. Значит, при определенных условиях сохранность вкладов, доверие вкладчиков к кредитным учреждениям является для них более предпочтительным, нежели получаемый по вкладам доход.

Как уже указывалось, паника среди вкладчиков кредитных учреждений, вызванная банкротством немецких банков, продолжалась сравнительно недолго, т. е. до начала августа 1931 г. В этом месяце наблюдавшееся (хотя и незначительное) увеличение общей суммы вкладов было прервано новой вспышкой паники, вызванной на этот раз девальвацией фунта стерлингов. Ее воздействие оказалось не столь ощутимым, как банкротства банков, но более продолжительным, поскольку оно переплелось с другими причинами как внешнего, так и внутреннего характера. К ним следует отнести следующие: 1) довольно значительный объем строительства, осуществлявшегося в 1931 г.; 2) стремление импортеров быстрее погасить ссуды в фунтах стерлингов в связи с падением их курса; 3) сокращение кредитования импортеров Литвы иностранными кредиторами; 4) уменьшение кредитования национальными банками и вызванный этим рост ростовщического кредитования (изъятие из банков вклады отдавались частными лицами в ссуду).

В результате банкротства банков, девальвации фунта стерлингов и других факторов общая сумма вкладов в частных кредитных учреждениях за семь последних месяцев 1931 г. сократилась на 35,72 млн литов, или на 31,5%. В сберегательных кассах за это время вклады выросли на 7,43 млн литов, или на 52,3% (исчислено по: 13, с. 12). Но увеличение вкладов в сберкассах не перекрыло их сокращения в других кредитных учреждениях. Под воздействием значительного сокращения общей суммы вкладов уменьшились кредитные ресурсы банков, что в конечном счете привело к изменению условий кредитования и кредитной политики банков.

Причину создавшейся ситуации слабого развития сберегательного дела буржуазное правительство видело в технико-организационных недостатках. Поэтому было решено устранить их путем изменения устава государственных сберегательных касс. Новый устав государственных сберегательных касс был принят кабинетом министров 18 июня 1932 г.

(26). Он отличался более четкой формулировкой и систематизацией статей. Изменения были внесены как в проведение операций и организацию сберегательных касс, так и в управление ими. Наиболее существенными явились такие изменения: 1) увеличение минимума вклада, на который не могло быть обращено взыскание долгов и неуплаченных налогов; 2) отмена регламентированной максимальной суммы вклада; 3) введение нормы обязательных резервов в размере 5% от общей суммы бессрочных вкладов и текущих счетов; 4) расширение круга совершаемых пассивных и активных операций; 5) изменение порядка использования прибыли; 6) внесение изменений в состав управления сберкассами.

Заслуживающим внимания нововведением явилось внедрение сберегательных марок. Этим преследовалась цель аккумулировать мелкие (до одного лита) сбережения населения. Данный вид сбережений распространялся в основном среди молодежи, школьников.

Кроме того, были приняты более энергичные меры по расширению сети сберкасс и укреплению их материальной базы. До 1930 г. сберкассы создавались лишь при Банке Литвы и их число было незначительным. В 30-х гг. начали организацию сберкасс при более крупных учреждениях связи и фабриках акционерного общества «Майстас». В результате этого число сберкасс увеличилось и к началу 1939 г. достигло 137, из них 27 функционировало при Банке Литвы, 105 — при учреждениях связи и 5 агентств — при фабриках «Майстас» (7, с. 10). Сберегательные кассы по числу своих отделений выдвинулись на второе место в кредитной системе Литвы, уступая лишь кредитным кооперативам (число которых на 01.01.1940 г. составило 290) (21, с. 206).

Данные о недвижимом имуществе сберегательных касс свидетельствуют об укреплении их материально-технической базы. Если к началу 1934 г. собственная материально-техническая база у сберкасс отсутствовала, то к началу 1940 г. они имели недвижимого имущества на сумму 1,25 млн литов (16, с. 320).

В 1932 г. был упрощен порядок изменения процентной ставки по операциям сберкасс. Если раньше подобным правом располагал кабинет министров, то теперь оно перешло в компетенцию министра финансов (17, с. 113). Это позволило более оперативно изменять процентные ставки и тем самым приспосабливаться к складывающейся конъюнктуре на ссудном рынке. Вместе с тем в конце 1932 г. была повышена процентная ставка по вкладам сберкасс до 3,6—4% годовых. Поскольку процентные ставки в других кредитных учреждениях снижались (в целях оживления экономической конъюнктуры правительство стало в законодательном порядке регулировать процентные ставки частных кредитных учреждений), то тем самым был сокращен разрыв между процентными нормами сберкасс и других кредитных учреждений.

Несмотря на принятые меры, развитие сберегательного дела под влиянием экономического кризиса, политических событий и внешнеэкономических факторов в 1932—1939 гг. замедлилось. Так, с 1932 г. его темп ежегодно снижался, и в 1935 г. сумма вкладов уменьшилась как относительно, так и абсолютно. Надо отметить, что в 1935 г. впервые за всю историю существования сберкасс в буржуазной Литве сократилась и сумма частных вкладов.

Основная причина этого снижения — разразившийся в Литве экономический кризис и как его следствие — ухудшение материального положения большинства населения. Экономический кризис прежде всего и наиболее глубоко отразился на доходах сельского населения из-за сильного падения цен на сельскохозяйственную продукцию. Так, к концу 1934 г. цены на нее составляли лишь 36% среднего уровня цен 1926—1929 гг. (25, с. 7). Вследствие этого значительно уменьшились

доходы, получаемые за реализованную продукцию сельского хозяйства, снизилась рентабельность хозяйств. В то же время цены на промышленные товары падали более медленными темпами. Поэтому покупательная способность крестьян в 1932—1935 гг. сократилась примерно в 2 раза (6, с. 64).

В годы экономического кризиса значительно ухудшилось и материальное положение рабочих Литвы. За это время номинальная заработная плата квалифицированных рабочих мужчин уменьшилась на 28,1%, а неквалифицированных — на 24,3% (2, с. 255). Кроме того, из-за роста безработицы ухудшилось материальное положение рабочего класса. Численность безработных за 1931—1935 гг. увеличилась в 2,8 раза (4, с. 258).

В годы экономического кризиса из-за сокращения заработной платы ухудшилось материальное положение средних слоев населения, и даже привилегированной его части — государственных служащих. Их номинальная заработная плата снизилась в результате того, что были прекращены выплаты денег в связи с праздниками, надбавка за выслугу лет, снижены суточные, аннулирована выплата денег за заседания. Только из-за отмены доплаты за выслугу лет денежные доходы государственных служащих снизились примерно на 7 млн литов (9). Но еще больше сократились доходы служащих в результате отчислений из заработной платы для сбалансирования бюджета. Эти отчисления, в зависимости от семейного положения служащего и места его проживания, колебались от 6,97% до 30,3% его заработка и ежегодно составляли около 20 млн литов (9).

Денежные доходы мелких и средних капиталистов в годы экономического кризиса уменьшились из-за сокращения хозяйственного и товарного оборота.

Наконец, к снижению денежных доходов различных слоев населения привело размещение облигаций внутреннего государственного займа. После довольно продолжительного перерыва первый крупный (в сумме 18 млн литов) государственный заем был размещен в 1935 г. Затем буржуазное правительство ежегодно прибегало к выпуску облигаций займов, и общая их сумма за 1935—1939 гг. составила 90,2 млн литов (18, с. 1). Большая часть облигаций распространялась в принудительном порядке среди рабочих, служащих, лиц свободных профессий, промышленников и торговцев.

Кроме внутренних факторов, способствовавших снижению доходов населения и их сбережений, свое влияние оказывал и внешний фактор — значительное сокращение денежных переводов из-за границы. Так, если в 1929 г. только из США (основного источника указанных валютных поступлений) денежные переводы составили 30,5 млн литов, то в 1935 г. — 6,6 млн литов, или 21,6% уровня 1929 г. (16, с. 347).

Одновременно со снижением притока в Литву денежных переводов из-за границы увеличился вывоз капитала за границу. Например, в 1933 г. за границу было вывезено валюты на сумму, превышающую 8 млн литов (23, с. 5).

Кроме указанных факторов относительного снижения вкладов, на их динамику оказывали влияние и временные факторы, к которым можно отнести девальвацию валют ряда капиталистических стран, конфликт с гитлеровской Германией из-за Клайпедского края и др. Так, в 1933 г., т. е. в год девальвации доллара США, сумма вкладов и текущих счетов в сберегательных кассах Литвы возросла лишь на 4,6 млн литов против их увеличения в 1932 г. на 10 млн литов, в то время как в других кредитных учреждениях указанная сумма снизилась на 4,1 млн литов. С одной стороны, из-за девальвации доллара вклады и текущие счета снизились потому, что немалая их часть числилась в дол-

ларах и при их пересчете по новому сниженному курсу на литы указанная сумма уменьшилась. С другой стороны, девальвация доллара вызвала неуверенность, ожидательские настроения среди населения. Перед людьми, естественно, возник вопрос, что ожидает национальную валюту — лит, если под ударом экономического кризиса оказался доллар.

Среди других лет периода экономического кризиса 1935 г. выделяется наибольшим сокращением (на 35,9 млн литов, или на 15,6%) суммы вкладов всех кредитных учреждений. Подобного по своему масштабу снижения Литва не знала со второй половины 1931 г. Но если тогда уменьшение вкладов в одних кредитных учреждениях сопровождалось их увеличением в других (особенно в сберегательных кассах), то в 1935 г. вклады сократились абсолютно во всех кредитных учреждениях. Истребованные деньги превращались в золото и иностранную валюту, определенная часть которой уплывала за границу. А это привело к снижению валютных запасов Банка Литвы и введению валютных ограничений в конце 1935 г. (27).

Временным фактором снижения вкладов и текущих счетов во всех кредитных учреждениях в 1935 г. явился конфликт буржуазной Литвы с гитлеровской Германией из-за Клайпедского края и обострение политического положения в мире из-за агрессии Италии против Эфиопии. Гитлеровская Германия, стремясь запугать буржуазное правительство Литвы и вынудить его пойти на уступки требованиям фашиствующих элементов Клайпедского края, кроме военной демонстрации против Литвы, прибегла к экономическим санкциям: порвала торговые связи, запретила транзит товаров из Литвы в другие страны. В результате этого сократились валютные поступления из-за границы.

Воздействие девальвации франка и других валют в конце 1936 г. на движение вкладов в кредитных учреждениях Литвы в отличие от последствий девальвации доллара оказалось более ощутимым. За октябрь 1936 г. общая сумма вкладов во всех кредитных учреждениях снизилась на 8,7 млн литов.

После значительного сокращения суммы вкладов во всех кредитных учреждениях Литвы в 1935 г. с начала 1936 г. отмечается их рост (несмотря на месячные колебания), который продолжался до 1939 г. К этому привело улучшение экономической конъюнктуры, т. е. повышение цен на экспортную продукцию, улучшение торгового баланса и т. п. Кроме того, произошли изменения в психологии вкладчиков, в их отношении к кредитным учреждениям в результате того, что прекратились дебаты о девальвации лита.

Первопричиной отмечавшихся в последующие годы (1938—1940 гг.) месячных или годовых колебаний абсолютной суммы вкладов явились политические события. Предъявленный Польшей ультиматум правительству буржуазной Литвы от 15 марта 1938 г. вызвал панику среди вкладчиков. Как явствует из печати того времени, возле окошек кредитных учреждений выстраивались большие очереди за получением вкладов (11). Только за день из одного банка в Каунасе было изъято 220 вкладов на сумму 500 тыс. литов, т. е. в среднем на один истребованный вклад приходилось 2273 лита (11).

Если ультиматум вызвал среди вкладчиков небольшую панику и не оказал заметного влияния на работу сберегательных касс, то захват гитлеровской Германией 22 марта 1939 г. Клайпедского края имел более глубокие последствия. Министерство финансов, предвидя поведение вкладчиков в связи с событиями в Клайпедском крае, впервые в истории буржуазной Литвы ввело ограничение выплаты вкладов. Оно было установлено приказом министра финансов от 22 марта 1939 г. (12). Вкладчикам разрешалось выплачивать на потребительские нужды не более 50 литов за три дня. Без ограничений выдавались деньги на

оплату векселей, товарных документов, для уплаты налогов и выплаты заработной платы. Уже на следующий день ограничения были частично сняты. Приказом министра финансов от 28 марта 1939 г. кредитным учреждениям разрешалось свободно выплачивать деньги, которые требовались для погашения долгов учреждениям самоуправления, кредитным, страховым и другим учреждениям. А приказом от 27 марта 1939 г. свободно выплачиваемая норма вкладов была увеличена до 200 литов в неделю. Ограничения выплаты вкладов действовали до 1 апреля 1939 г.

Несмотря на ограниченную выплату вкладов, они сокращались в кредитных учреждениях, в том числе и в сберкассах. Так, за время действия закона об ограничении выплаты вкладов, их сумма в сберегательных кассах уменьшилась на 2,1 млн литов (14, с. 13). Снижение суммы вкладов продолжалось и после снятия ограничений. За апрель их размер в сберегательных кассах сократился на 7,1 млн литов (7, с. 12). По этой причине иссякли кассовые ресурсы сберегательных касс, которые накануне событий 22 марта 1939 г. составляли 8,3 млн литов (7, с. 12). Для их пополнения сберегательные кассы были вынуждены обратиться за помощью к Банку Литвы, которому они задолжали 1,3 млн литов под обеспечение ценных бумаг. Кроме того, сберкассы с целью поддержания своей ликвидности прекратили предоставление новых ссуд своим клиентам. Сокращение вкладов в сберегательных кассах продолжалось до июля 1939 г. Статистические данные на 1 августа 1939 г. свидетельствуют об увеличении вкладов в сберкассах на 1 млн литов (14, с. 12), но этот рост был эпизодичным, его прервала начавшаяся вторая мировая война.

Вызванное войной уменьшение вкладов повторно привело к сокращению кассовых ресурсов сберкасс. Их положение осложнилось и тем, что теперь Банк Литвы не мог оказать им помощь путем покупки ценных бумаг у сберкасс, так как на приобретение ценных бумаг Банк уже использовал разрешенный законом капитал. На этот раз 6 сентября 1939 г. Банк Литвы открыл для сберкасс специальный текущий счет. Но этого было недостаточно. По закону сберкассам не разрешалось пользоваться ссудами других кредитных учреждений. В поисках выхода из положения был изменен устав сберегательных касс таким образом, что теперь они могли пользоваться кредитом не только в Банке Литвы, но и в других кредитных учреждениях. Сберегательные кассы лишь за две недели после изменения их устава задолжали у других кредитных учреждений 3,7 млн литов (7, с. 12).

С ноября 1939 г. отмечается возврат вкладов в сберегательные кассы. До конца года в кассы было возвращено около 2,5 млн литов. Это позволило сберкассам погасить часть долга, бывшего в сентябре—октябре в Банке Литвы. Несмотря на приток вкладов в сберегательные кассы, в целом за 1939 г. общая их сумма снизилась почти на 10 млн литов, или на 14,2% (16, с. 323). Одновременно уменьшалась и численность вкладчиков. За 1939 г. она сократилась на 4071 человека, или на 10,6% (не считая вкладов, на которых осталось по нескольку литов).

Кроме политических событий, сокращение числа вкладов было вызвано и экономическими обстоятельствами. Во-первых, в связи с тем, что с осени 1938 г. цены на товары широкого потребления выросли более чем на 30%, а заработная плата осталась прежней, материальное положение трудящихся ухудшилось. Во-вторых, часть сбережений населения поглотил выпущенный в 1939 г. вильнюсский заем, облигации которого распространялись в принудительном порядке среди служащих и других слоев населения, имевших постоянный заработок. С конца 1939 г. по 1 мая 1940 г. было эмитировано облигаций этого займа на

сумму свыше 28 млн литов (22, с. 436), что в условиях Литвы составило огромную сумму.

Обобщая развитие сберегательного дела в Литве за 1932—1939 гг., надо отметить следующее. Несмотря на медленные темпы роста вкладов, абсолютная их сумма возросла в 2,4 раза и к началу 1939 г. достигла 69,5 млн литов, т. е. своего максимума за всю историю существования сберкасс в Литве. Но с начала 1939 г. вклады в сберегательных кассах начали стремительно сокращаться, и этот процесс продолжался до конца буржуазного правления. По годовым темпам роста вкладов сберегательные кассы значительно превосходили другие кредитные учреждения. Вклады сберкасс в 1932—1939 гг. увеличились в 2,4 раза, а во всех кредитных учреждениях — в 1,2 раза (исчислено по: 15, с. 298; 16, с. 315, 317).

Повышение абсолютной суммы депозитов, имевшее место в 1932—1938 гг., совершилось за счет увеличения численности вкладчиков и средней суммы вклада. Но в отличие от предкризисного периода в динамике численности вкладчиков и средней суммы вклада произошли существенные изменения. Если в предкризисные годы более стремительными темпами росла средняя сумма вклада, то в годы экономического кризиса, наоборот, увеличилась численность вкладчиков. Так, если за шесть предкризисных лет средняя сумма вклада стала больше в 11,4 раза, а численность вкладчиков — лишь в 1,7 раза, то в 1929—1938 гг. эти показатели увеличились соответственно в 1,3 и 20,8 раза (исчислено по: 15, с. 298; 16, с. 322). Значительное увеличение численности вкладчиков можно объяснить введением нового вида сбережений — сберегательных марок.

Несмотря на заметное увеличение абсолютной численности вкладчиков, следует отметить, что все-таки в буржуазной Литве их было немного. Об отставании буржуазной Литвы по охвату сберкассами населения свидетельствует сопоставление ее с соседними буржуазными государствами. К началу 1936 г. вкладчики сберегательных касс в Польше составляли 4,2% от общего числа населения, в Латвии этот показатель достигал 4,8, в Финляндии — 3,9, в Эстонии — 1,4, а в Литве — лишь 0,8% (10).

В то же время (на 01.01.1936 г.) по сумме складов, приходящихся на 100 человек, буржуазная Литва среди 18 средних и маленьких стран Европы занимала 15-е место и опережала лишь Португалию, Чехословакию и Румынию и значительно уступала таким странам, как Дания, Норвегия, Голландия. Если в буржуазной Литве на 100 человек населения приходилось вкладов на сумму 463 швейцарских франка, то в Дании — на 82 272, в Норвегии — на 78 195 швейцарских франков и т. д. (5, с. 296). Значительное отставание буржуазной Литвы от других стран по развитию сбережений объясняется ее экономической отсталостью, о чем, в частности, можно судить по такому обобщающему показателю, как национальный доход на душу населения, который в 1931 г. в Латвии составил 1012 литов, в Эстонии — 750 литов, а в Литве — 610 литов (3, с. 50).

В социальной структуре вкладчиков в 1934—1938 гг. произошли следующие изменения: упала доля «земледельцев» и «служащих», а «рабочих» и «других» — увеличилась. В результате этого основной группой вкладчиков стали служащие.

Обобщая анализ движения вкладов по социальному аспекту, следует отметить, что их средняя сумма была незначительной и составляла лишь 88,5% довоенного уровня (исчислено по: 24, с. 167); большую часть этих вкладов вносили мелкие вкладчики. В. И. Ленин писал, что «многочисленность мелких вкладчиков доказывает именно многочисленность бедноты в капиталистическом обществе, ибо доля этих мелких вкладчиков в общей сумме вкладов ничтожна» (1, с. 286).

С углублением кризиса более заметным стало перераспределение депозитов между разными кредитными учреждениями в пользу сберегательных касс. Основной причиной проявления этой тенденции следует признать организационные преобразования, в результате которых хранение свободных денег в государственных сберегательных кассах стало для вкладчиков более привлекательным и выгодным. В результате возросла роль сберкасс в деле мобилизации свободных денежных средств и их превращения в ссудный капитал. Если в предкризисные годы через сберкассы было привлечено 10,9% общей суммы вкладов и текущих счетов всей кредитной системы, то к началу 1940 г. — 21,3%, или в 1,9 раза больше (исчислено по: 15, с. 453; 16, с. 329).

Несмотря на подобный рост роли государственных сберегательных касс в деле привлечения вкладов, они, как и в предкризисный период, занимали третье место среди кредитных учреждений. Однако в отличие от предыдущего периода значительно сократился отрыв сберкасс от других кредитных учреждений как по абсолютной сумме, так и по их удельному весу в общей сумме депозитов всей кредитной системы. Например, если к началу 1931 г. сберкассы по абсолютной сумме вкладов и текущих счетов уступали Банку Литвы в 9,9 раза, коммерческим банкам — в 9,5 раза, то к началу 1940 г. разрыв между ними составил около 1,2 раза.

Повышение значения сберегательных касс во всей кредитной системе по привлечению сбережений и сближение уровней процентных ставок по пассивным операциям касс и других кредитных учреждений усилили регулируемую роль процентов сберкасс в сфере мобилизации вкладов.

Кроме усиления роли сберегательных касс среди кредитных учреждений в деле привлечения вкладов в 1932—1939 гг., следует отметить одновременное увеличение значения депозитных операций в их пассивах. Удельный вес депозитов в пассивных операциях возрос с 87,8% к началу 1931 г. до 92,1% к началу 1939 г., или на 4,2 пункта (исчислено по: 15, с. 301; 16, с. 320). Следовательно, они в большей мере, чем раньше, стали выполнять свои непосредственные функции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 6.
2. Мешкаускаене М. Промышленность Литвы в период монополистического капитализма.— В.: Минтис, 1981.
3. Androšiūnas A. Yra išeitis iš ūkio krizės // *Naujoji Romuva*.— 1936.— Nr. 3.
4. Balevičius Z. Darbininkų padėtis buržuazinėje Lietuvoje.— V., 1960.
5. Balsys V. Apie taupymą // *Tautos ūkis*.— 1936.— Nr. 11.
6. Bulavas J. Lietuvos darbo valstiečių ekonominė padėtis fašistinės valdžios metais.— V., 1955.
7. Dambrauskas J. Valstybės taupomųjų kasų veikla 1938.I.1—1944.III.1 laikotarpy.— K., 1944.
8. Lietuvos aidas.— 1931.— Liepos 31.
9. Lietuvos aidas.— 1935.— Rugpjūčio 20.
10. Lietuvos aidas.— 1936.— Lapkričio 2.
11. Lietuvos aidas.— 1938.— Kovo 21.
12. Lietuvos aidas.— 1938.— Kovo 27.
13. Lietuvos banko biuletenis.— 1934.— Nr. 24.
14. Lietuvos banko biuletenis.— 1940.— Nr. 19.
15. Lietuvos statistikos metraštis. 1931 m.— K., 1932.
16. Lietuvos statistikos metraštis. 1939 m.— V., 1940.
17. LTSR centrinis valstybinis archyvas.— F. 923.— Ap. 1.— B. 679.
18. LTSR centrinis statistikos archyvas.— F. R-164.— Ap. 1.— B. 419.
19. Lietuvos ūkis ir rinkas.— 1931.— Nr. 5—7.
20. Meškauskas K., Purnas V., Meškauskienė M., Jurginis J. Lietuvos pramonė ikisocialistiniu laikotarpiu.— V.: Mintis, 1976.
21. Mažoji lietuviškoji tarybinė enciklopedija.— V., 1968.— T. 2.
22. Mūsų kredito rinkas // *Tautos ūkis*.— 1940.— Nr. 21—22.
23. Tautos ūkis.— 1935.— Nr. 1.

24. Tautos ūkis.— 1935.— Nr. 4.
25. Varpas.— 1939.— Nr. 1.
26. Vyriausybės žinios.— 1932.— Nr. 386.
27. Vyriausybės žinios.— 1935.— Nr. 501.

Вильнюсский госуниверситет им. В. Капсукаса
Кафедра финансов и кредита

TAUPYMO PADĖTIS IR RAIDA LIETUVOJE EKONOMINĖS KRIZĖS ŠALYGOMIS IR VELESNIAIS METAIS

I. Č E P I E N Ė

Re z i u m ė

Išnagrinėtas taupymas valstybinėse taupomosiose kasose buržuazinėje Lietuvoje 1932—1939 metais ir atskleisti svarbiausi jo raidos dėsningumai. Šiuo laikotarpiu indėlių sumų didėjimą, indėlininkų socialinę struktūrą ir taupomųjų kasų vietą kredito sistemoje veikė dėl ekonominės krizės pablogėjusi darbo žmonių padėtis, bankų bankrotai kaimyninėse valstybėse, imperialistinių valstybių valiutų devalvacijos, politiniai įvykiai (konfliktas su Lenkija ir Vokietija) ir kt.

1932—1939 metais sulėtėjo indėlių sumų taupomosiose kasose didėjimo tempai. Nepaisant to, ryškiai pasireiškė indėlių persiskirstymo taupomųjų kasų naudai tendencija. Dėl šios priežasties valstybinės taupomosios kasos tapo pagrindinėmis indėlių pritraukėjomis.

Taupymo išvystymo rodikliais buržuazinė Lietuva pastebimai atsiliko nuo kitų kapitalistinių valstybių.